

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПАНЕЛЬНОЙ ДИСКУССИИ О КАБИНЕТНОЙ ФИЛОСОФИИ*

Васильев Вадим Валерьевич –
доктор философских наук,
профессор.
Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова.
Российская Федерация,
119991, г. Москва,
Ленинские горы, д. 1.
e-mail: vadim.v.vasilyev@
gmail.com

Обсуждается статья Т. Уильямсона «Кабинетная философия», возражения участников панельной дискуссии и другие возможные реакции на нее. Показано соответствие содержания статьи Уильямсона основным темам его книги «Занимаясь философией». Отмечен большой акцент статьи на методе моделирования, с которым Уильямсон связывает будущее кабинетной философии. Анализ ответов на статью Уильямсона со стороны Д. Столджара, Дж. Ноуба, Д. Деннета и А. Кузнецова показывает, однако, что предложенный Уильямсоном вариант кабинетной философии не вызывает больших возражений у принципиальных противников кабинетного подхода и, таким образом, по сути не защищает ту априорную методологию, которую он собирался защищать. Для более эффективной защиты потребовалось бы использование метода концептуального анализа, обещающего получение априорных концептуальных истин. Уильямсон, однако, сомневается в перспективах продуктивного концептуального анализа. Автор послесловия, между тем, пытается показать, что традиционное представление о концептуальном анализе может быть усовершенствовано, в результате чего он сможет эффективно выполнять возложенную на него функцию защиты кабинетной философии.

Ключевые слова: метафилософия, философия философии, кабинетная философия, концептуальный анализ

AFTERWORD TO THE PANEL DISCUSSION ON ARMCHAIR PHILOSOPHY

Vadim V. Vasilyev – Dsc
in Philosophy, professor.
Lomonosov Moscow State
University.
1 Leninskie Gory, Moscow,
119991, Russian Federation.
e-mail: vadim.v.vasilyev@
gmail.com

In this paper I discuss Timothy Williamson's panel paper "Armchair Philosophy", the objections of the participants of the panel discussion and other possible reactions to it. The correspondence of the content of Williamson's paper to the main themes of his book "Doing Philosophy" is shown, as well as the greater emphasis of his paper on the method of model building, upon which he bases his hope for the future of armchair philosophy. The analysis of the responses to the paper by Williamson received from Daniel Stoljar, Joshua Knobe, Daniel Dennett, and Anton Kuznetsov shows, however, that the version of the armchair philosophy proposed by Williamson does not raise much objections among principal opponents of the armchair approach and thus does not promote an a priori methodology that this kind of philosophy is supposed to defend and promote. More effective defense would require the use of a conceptual analysis that promises getting a priori or conceptual

---

* Статья подготовлена в рамках деятельности ведущей научной школы МГУ им. М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

truths. Williamson, however, doubts the prospects for productive conceptual analysis. Nevertheless, the author of this afterword tries to show that the traditional conceptual analysis can be improved and that it is possible that such an improved analysis would perform its function of promoting the radical armchair philosophy much more effectively. Instead of clarifying some more or less interesting concepts conceptual analysis might aim at clarifying our natural beliefs, such as belief in causal dependence of ordinary events, in independent existence of the objects of our experience, in identity of some objects, in other minds, etc. In the process of such a clarifying we can also try to understand some non-trivial relations between our natural beliefs. The author provides an example of such an analysis, resulting in getting a truth which has all the marks of necessary conceptual truth, claiming there are a lot of similar truths to be found.

Keywords: metaphilosophy, philosophy of philosophy, experimental philosophy, armchair philosophy, conceptual analysis

Нечасто бывает, чтобы на страницах отечественных философских журналов разворачивались дискуссии с участием ведущих западных философов. Но обсуждение в этом номере журнала «Эпистемология и философия науки» проблем и перспектив кабинетной философии именно таково. Заглавная статья написана одним из ведущих современных эпистемологов, оксфордским профессором Тимоти Уильямсоном. На нее откликнулись: знаменитый философ-натуралист Дэниел Деннет, один из создателей экспериментальной философии Джошуа Ноуб и выдающийся австралийский философ Дэниел Столджар. В дискуссии также принял участие один из ее организаторов, сотрудник Московского центра исследования сознания при философском факультете МГУ Антон Кузнецов.

Ознакомившись со статьей Уильямсона, читатели могут заметить, что она кратко воспроизводит содержание его книги «Занимаясь философией», которая обсуждалась в редакционной статье к этому номеру журнала. Как и в книге, Уильямсон размышляет о различных философских методах, применяя которые можно практиковать кабинетную философию. Острота этого вопроса объясняется критикой традиционного понимания философии как кабинетной дисциплины со стороны экспериментальных философов и сторонников более тесного союза философии с эмпирическими науками. Важным оборонительным ресурсом Уильямсона оказывается аналогия философии с такой успешной кабинетной дисциплиной, как математика, а также тривиализация якобы сомнительных кабинетных процедур, таких как мысленные эксперименты. Но самым перспективным методом кабинетной философии он признает моделирование. Интересно, что, несмотря на краткость текста Уильямсона, некоторые аспекты этого метода раскрыты здесь даже более подробно, чем в упомянутой книге 2018 г. Он приводит больше конкретных примеров использования

метода построения моделей в философии, рассказывая, в частности, о задействовании байесовской модели вероятности в эпистемологических исследованиях, а также о применении в моральной и политической философии моделей, основанных на математических принципах теорий игр и принятия решений. И еще более однозначно, чем в книге, он связывает здесь прогресс в философии с созданием все более удачных моделей, описывающих изучаемые в ней явления. Ошибочное противопоставление философии и естествознания в этом плане объясняется, с его точки зрения, тем, что многие привыкли считать, что стремительно прогрессирующее естествознание открывает универсальные законы – чем не может похвастаться философия (за исключением ее логической части). Но на самом деле прогресс естествознания во многом состоит в изобретении учеными все более успешных моделей. И в этом плане философия мало отстает от нее: «Формальные модели, доступные в эпистемологии и философии языка, намного превосходят те, которые были доступны в 1950 г.; они позволяют более глубоко и детализировано постигать фундаментальную структуру знания и значения». Уильямсон не забывает также отметить, что «указанные модели почти всецело были созданы в кабинетах».

Какую же реакцию вызвала статья Уильямсона у участников дискуссии? Д. Столджар недавно опубликовал книгу о прогрессе в философии [Stoljar, 2017], где одобрительно ссылаясь на Уильямсона. Поэтому можно было бы заранее предположить, что он поддерживает его идеи. Что же касается экспериментального философа Дж. Ноуба и одного из главных пропагандистов союза философии и экспериментального естествознания Д. Деннета, то они, казалось бы, должны раскритиковать его. Эти предположения отчасти подтверждаются, но лишь отчасти. Столджар, к примеру, считает, что описание прогресса философии через улучшение моделей сужает его горизонты. Для прогресса, по его мнению, достаточно любого уточнения соотношения исследуемых параметров, необязательно в контексте моделирования. И мы, разумеется, сможем найти немало примеров подобных уточнений в истории философии. Ноуб больше озабочен не критикой выстраиваемого Уильямсоном образа кабинетной философии, а доказательством того, что экспериментальная философия вовсе не была изначально нацелена – как считают многие, в том числе Уильямсон – на оспаривание интуиций философов на том основании, что они не репрезентируют взгляды всех людей (на что те претендуют), так как среднестатистический философ – зрелый белый мужчина из богатой западной страны. Чтобы поспорить с Ноубом, достаточно взглянуть на его собственный «Манифест экспериментальной философии» более чем десятилетней давности. Манифест начинается именно с рассуждений о различиях философских интуиций в разных культурах [Knobe, Nichols, 2008; p. 3].

И первые эксперименты вроде бы подтверждали это предположение. Но более точные позднейшие эксперименты показали, напротив, совпадения философски значимых интуиций у людей разных возрастов, полов и культур. Ноуб не отрицает эти новые данные, но пытается представить их как удивительное открытие большой значимости. Кабинетные философы могут заметить, что оно удивительное только для самих экспериментальных философов и что характеристика его как удивительного подтверждает, что экспериментальные философы ожидали чего-то другого, в противоположность словам Ноуба.

Но, пожалуй, самую неожиданную реакцию на статью Уильямсона дает Деннет. Он с готовностью поддерживает тот образ кабинетной философии, который рисует Уильямсон, и расходится с ним лишь в деталях, предостерегая от понимания слов Уильямсона так, будто тот предлагает выстраивать философские теории в аксиоматическом ключе (чего он, конечно, не предлагает). Но как же Деннет может в принципе соглашаться с Уильямсоном? Разве они не находятся на противоположных полюсах философской методологии? Причина этого согласия, думается, в том, что Уильямсон вовсе не отрицает наличия эмпирической базы у тех моделей, построением которых должна заниматься философия. Да и как здесь можно было бы обойтись без нее? Не исключено, конечно, что он трактует ее не так широко, как Деннет, считающий необходимым включение в эту базу как можно большего набора данных экспериментальных наук, тогда как Уильямсон делает упор на фундамент здравого смысла, но это уже детали. По сути же сам Деннет готов назвать себя кабинетным философом в уильямсоновском смысле. Казалось бы, кабинетные философы могут торжествовать, но все не так однозначно. Ведь на эту ситуацию можно посмотреть и с другой стороны. Если даже такой эмпирик, как Деннет, готов признать себя кабинетным философом в уильямсоновском смысле, то не является ли этот смысл выхолощенным? Не будет ли такая кабинетная философия кабинетной только на словах?

Как бы ни отвечать на эти вопросы, ясно, что Уильямсона нельзя назвать радикальным кабинетным философом. Это обстоятельство отмечает в своем отклике А. В. Кузнецов. С его точки зрения, кабинетная философия в строгом смысле слова должна быть в состоянии не только в априорном режиме обрабатывать эмпирический материал (это делает любая философия), но и формулировать такие проблемы и решения, которые были бы недоступны при экспериментальном подходе.

Причина недостаточной радикальности Т. Уильямсона нам, собственно, уже известна. Она состоит в том, что он отвергает метод концептуального анализа. А ведь именно концептуальный анализ мог бы резко обособлять кабинетную философию от экспериментальных дисциплин. Для его проведения мы не нуждались бы в экспериментах, так как он направлен на уже имеющиеся у нас концепты. Кроме того, он обещает нам получение необходимых истин

(так как раскрытие содержания этих концептов или понятий происходит по закону тождества), нетипичных для экспериментальных наук, претендующих лишь на контингентные обобщения.

Уильямсон считает, что обещания концептуального анализа остаются всего лишь обещаниями. В этом своем убеждении он следует идеологии У. Куайна. Но действительно ли она не может быть покорена? Критика концептуального анализа обычно состоит либо в указании на трудности определения понятия аналитических утверждений (не сводящихся к тавтологиям), через высказывание которых осуществляется концептуальный анализ, либо в отсылках к тому, что такой анализ имеет отношение скорее к словам и правилам их употребления, а не к фактам о вещах, которыми интересуются философы. Но идущий от Куайна аргумент от трудностей в дефиниции [Куайн, 2001] едва ли очень опасен. Давать дефиниции вообще непросто, но из трудностей в определении, к примеру, тривиального понятия стола едва ли можно делать вывод о неправомерности его употребления или об отсутствии такого понятия [ср. Williamson, 2007, p. 50–51]. Что же касается второго момента, то лучшим ответом, на мой взгляд, была бы не абстрактная оборонительная программа в традиционных границах понимания концептуального анализа [ср., напр., Strevens, 2019], а отыскание для начала хотя бы одного убедительного примера философски значимого и нетавтологичного утверждения, истинность которого можно было бы удостоверить априори на основе имеющихся у нас представлений. В качестве критерия его достоверности можно использовать невозможность мыслить без противоречия положение дел, противоположное тому, которое констатируется в нем. Важно также, чтобы этот пример не сводился к чисто словесным дефинициям, вроде того, что «действие – это событие, вызываемое причиной». Подобные высказывания сами по себе не имеют отношения к фактическому устройству мира.

Для отыскания нужного нам примера можно воспользоваться одной из дистинкций Уильямсона в книге «Занимаясь философией». Он разграничивает там понятия и концепты [Williamson, 2018, pp. 44–45]. Понятия (concepts) – это то, что фиксируется в словарных определениях, они общи для всех людей, признающих авторитет соответствующих словарей. Концепты (conceptions) же – это индивидуализированные понятия, сопряженные с убеждениями, имеющимися у индивидов. Скажем, у всех читателей этого номера журнала имеется примерно одинаковое понятие рыси, но я, к примеру, убежден, что рыси водятся в Подмосковье, а кто-то может думать о них иначе, и т. п. Убеждения, включенные в концепты, могут быть, между тем, не только партикулярными. Некоторые из них могут разделяться всеми разумными людьми. Скажем, с понятием физической реальности (как совокупности чувственно данных пространственно-временных предметов) у всех разумных индивидов связано убеждение о том,

что она существует независимо от нашего восприятия. Это убеждение, таким образом, встроено в ее концепт. В него встроены и другие убеждения. К примеру – по крайней мере на обыденном уровне – мы убеждены, что изменения, происходящие в физической реальности, происходят не просто так, что они всегда чем-то вызваны, или, иными словами, что у них всегда есть какие-то причины.

Задумаемся теперь, нельзя ли реализовать программу концептуального анализа, изучая соотношение подобных универсальных убеждений, сопряженных с такими философски значимыми понятиями, как понятие физической реальности. Отметим, что вопрос, связано ли наше убеждение в независимом существовании физической реальности с нашим убеждением, что изменения в этой реальности происходят не без причин, не кажется риторическим. Вера в независимое от нас существование физической реальности предполагает уверенность в том, что мы не являемся причинами, поддерживающими ее существование, но в заданном вопросе подразумевается более широкий каузальный контекст. Это значит, что здесь есть поле для исследований, для анализа. И такой анализ может принести конкретные результаты. Ведь если бы мы не верили в причинность, а именно если бы мы считали высоковероятным беспричинное исчезновение чувственных предметов, то мы не могли бы верить, что предметы, покидающие поле нашего восприятия, сохраняют свое существование. Но эта вера и конституирует убеждение в независимом от нас существовании физической реальности. Иначе говоря, нельзя отчетливо представить индивида, считающего очень вероятным, что большинство данных ему в опыте предметов не исчезнут при прекращении его восприятия этих предметов, т. е. считающего очень вероятным, что эти предметы существуют независимо от него, и вместе с тем полагающего высоковероятным беспричинное исчезновение любых чувственных предметов. Эти убеждения логически несовместимы. Ведь если вы считаете высоковероятным беспричинное исчезновение предметов как таковых, то вы считаете высоковероятным и что данные вам в чувственном опыте предметы исчезнут после прекращения их восприятия вами. И тогда вы не можете считать вероятным, что данные вам в чувственном опыте предметы не исчезнут после прекращения их восприятия, не впадая в противоречие. А поскольку речь здесь идет о противоречии, то несовместимость рассматриваемых убеждений выявляется не эмпирическим установлением корреляций (разрыв коррелятивных связей может мыслиться без противоречия), а концептуальным анализом.

Таким образом, утверждение о связи нашего убеждения в независимом существовании физической реальности и нашего убеждения в существовании причин у событий – концептуальная истина. И трудно отрицать философскую значимость этого вывода, ведь в нем идет

речь о наших представлениях о фундаментальных характеристиках сущего. Разумеется, это лишь один пример, указывающий на целое поле исследований, в плоскости которого можно выстраивать концептуальные анализы априорного типа, позволяющие реализовать радикальную версию кабинетной философии. Так мне самому хотелось бы отреагировать на построения Уильямсона и на метафилософские вызовы наших дней. Но, разумеется, на эти вызовы можно реагировать и множеством других способов. И интереснейшая панельная дискуссия в этом номере журнала «Эпистемология и философия науки» дает всем нам импульс к новым изысканиям в этой важной области.

Список литературы

Куайн, 2000 – *Куайн У.В.О.* Две догмы эмпиризма // Куайн У.В.О. Слово и объект. М.: Логос, 2000. С. 342–367.

Knobe, Nichols, 2008 – *Knobe, J. & Nichols, S.* An Experimental Philosophy Manifesto // Knobe, J. & Nichols, S. (eds). *Experimental Philosophy*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. P. 3–14.

Stoljar, 2017 – *Stoljar, D.* Philosophical Progress: In Defence of a Reasonable Optimism. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017. 192 pp.

Strevens, 2019 – *Strevens, M.* Thinking Off Your Feet: How Empirical Psychology Vindicates Armchair Philosophy. Cambridge MA: Harvard Univ. Press, 2019. 330 pp.

Williamson, 2007 – *Williamson T.* The Philosophy of Philosophy. Malden: Blackwell Publ., 2007. 332 pp.

Williamson, 2018 – *Williamson T.* Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. 176 pp.

References

Knobe, J. & Nichols, S. “An Experimental Philosophy Manifesto”, in: Knobe, J. & Nichols, S. (eds). *Experimental Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 2008, pp. 3–14.

Quine, W.V.O. “Dve dogmy empirizma” [Two Dogmas of Empiricism], in: Quine W.V.O. *Slovo i obyekt* [Word and Object]. Moscow: Logos, 2000, pp. 342–367. (In Russian)

Stoljar, D. *Philosophical Progress: In Defence of a Reasonable Optimism*. Oxford: Oxford University Press, 2017, 192 pp.

Strevens M. *Thinking Off Your Feet: How Empirical Psychology Vindicates Armchair Philosophy*. Cambridge MA: Harvard University Press, 2019, 330 pp.

Williamson T. *Doing Philosophy: From Common Curiosity to Logical Reasoning*. Oxford: Oxford University Press, 2018, 176 pp.

Williamson T. *The Philosophy of Philosophy*. Malden: Blackwell Publishing, 2007, 332 pp.